

ПЫЖИКОВ А.В.

СЛАВЯНСКИЙ РАЗЛОМ

Украинско-польское иго в России

Концептуал

Москва

2021

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В постсоветский период на нас обрушился целый поток всевозможных интерпретаций нашего прошлого. С одной стороны, целый ряд авторов, покинув историческую канву, оказались во власти разыгравшегося воображения, чьи построения разрабатываются, как правило, без должного учёта фактического массива. С другой стороны, многие специалисты-историки остаются на уровне представлений XVIII–XIX веков, ограничиваясь воспроизводством прежних схем.

Потребность в последовательном, но осмотрительном движении вперёд сегодня актуальна как никогда. Безудержным порывам непозволительно сметать очевидное, в то же время привязка к определённой традиции не должна блокировать то, что с помощью критического взгляда пробивает себе путь. Именно этот принцип — руководящий для данной книги. В её основу легли не предположения, домыслы, догадки, а свидетельства, уже находящиеся в научном обороте, то есть использованные в монографиях, трудах или опубликованные в различных сборниках документов. Опираясь на этот фундамент, автор по-новому пытается переосмыслить наработанную фактуру.

Ощущение, что немало страниц нашего прошлого сшито, что называется, белыми нитками, знакомо многим, кто решил не то чтобы углубляться, а просто бегло с ним ознакомиться. В этой ситуации требуется аккуратно распороть наложенные швы, а не кромсать историческое полотно в угоду амбициям. Чем больше вчитываешься в проведённые исследования, всматриваешься в давно минувшие события, тем лучше понимаешь, что весомая часть российской истории изложена исключительно с украинско-польских позиций. До сих пор этот очевидный

факт совершенно не осознан, как и то, зачем и когда старательно сшивалось наше прошлое.

Официальная версия отечественной истории — это украинско-польский продукт, о чём пришло время сказать открыто. Различные немцы и прочие, обильно хлынувшие в элиту со времён Петра I, лишь укрепляли конструкции, возведённые не ими. Все вместе они относились к России с типично колониальным пренебрежением. Конечно, так же было и в Индии, где население находилось в фактическом рабстве у англичан, и в Южной Америке, где индейские народности горбатились на испанцев, и у африканских племён, угнетаемых французами и португальцами.

Но согласитесь: нигде колонизаторам не приходило в голову маскироваться под своих. Ни Лондон, ни Париж, ни Мадрид не объявлялись «родиной» для тех народов и территорий, которые подверглись захвату. У нас же именно это и произошло: во второй половине XVII века униатскую Киевщину провозгласили «матерью» необъятной страны, источником её государственности и духовности. Если называть вещи своими именами, то Россия подверглась идеологической диверсии, аналогов которой, пожалуй, не знает мировая история.

Многочисленные народы (поволжские, кавказские, северные, сибирские и др.) превращались в малые, «второсортные» на фоне тех, кто олицетворял исторический путь страны. Чужеродная элита с украинско-польско-немецким нутром, тыкая никонианскими пиками, столбила себе привилегированное положение. Но помимо этого она добилась того, о чём даже и не мечтали западноевропейцы. Те никогда не забывали: они непрошенные гости в странах, оккупированных силой и кровью, и рано или поздно придётся покинуть облюбованные земли. А вот у киевских пришельцев подобных проблем не возникало: куда это убираться самым что ни на есть «коренным»?! Поднять на них руку значило покуситься на устои всего и вся. На такое, как нам внушили, способны только инородцы или маргиналы, коим безразлична держава.

Под гипнозом созданной в XVII веке никонианской власти, вылупившейся из «святой» Украины, мы все живём уже не одно столетие. Украинизированный образ России по сей день довлеет над нами.

Задача данной книги — заявить об этом, вытащить украинско-польские нити, коими прошита наша история с Киевской Руси и до Брежнева. Речь не о стечении обстоятельств, не о каких-то недоразумениях, а о сознательной перекройке нашего прошлого в угоду украинско-польскому элементу, разбавленному различными европейцами.

Мысли обо всём этом, конечно, станут откровением для многих. Их стимулирует и современное российско-украинское обострение, которое сейчас выставляют делом рук некой группы в Киеве. На самом деле перед нами очередная фаза конфликта, существующего не одну сотню лет. Собственно, официальная история, которую нам презентуют, — это умело заретушированное противостояние многонациональной Московии, России и элитных модификаций «колыбели». Можно долго спорить о названии, дискутировать, как правильнее именовать её: Украина, Малороссия, часть Речи Посполитой. Суть не в вывеске, а в другом: нужно наконец-то разглядеть и сбросить с себя этот «могильный камень», выдаваемый за спасительный амулет.

Тем более что сегодня те же силы, оправившись от советского удара, разъев СССР изнутри, жаждут возобновить своё господство, трезвоня о возвращении к «коренному», то есть к тому же государственно-церковному всевластию. На наших глазах вновь воспроизводятся монархическо-православные механизмы, обкатанные при Романовых. И этому нельзя положить конец, пока отечественная история будет находиться под их неусыпным контролем. Нужно помнить непреложную истину: наиболее опасен не открытый враг, а скрытый, маскирующийся под своего. Необходимо вырвать наше прошлое из их вёртких рук — только так можно обрести собственное будущее.

Данная книга не является исследованием в полном смысле этого слова. Автор не претендует на создание какой-либо но-

вой концепции, что не может быть сделано в одиночку и требует значительных сил. Предлагаемый текст выполняет больше черновую работу: намечает путь, по которому можно было бы продвигаться вперёд, и прежде всего молодому поколению. Ему предстоит жить, ему возвращать память о своих предках, а значит, и о себе. На это мы и надеемся.

1. КИЕВСКО-ЛИТОВСКИЙ ЗАД ЕВРОПЫ

Начала отечественной истории скрыты от нас толщей столетий. Однако это не единственное препятствие на пути желающих проникнуть в наше прошлое. Куда большие проблемы связаны непосредственно с самими источниками, дошедшими до нас. Нет большого секрета в том, что используемый в научном обороте летописный комплекс представляет собой не беспристрастное повествование, а изложение, обслуживавшее конкретные, причём менявшиеся политические цели. Иначе говоря, широко разрекламированные как «наше всё» летописи следует воспринимать в первую очередь как инструмент идеологической борьбы далёкой эпохи. В этом смысле они немногим отличаются, например, от известного «Краткого курса истории ВКП(б)», проливая свет на реальные события примерно в той же степени.

Киевская Русь (до начала XIX века её называли Древней) является продуктом юго-западного летописания. Его альфа и омега — это христианизация, а также создание государственных начал на обширных землях, где впоследствии раскинется многонациональное Московское царство. Со второй половины XVII столетия образ киевской «родины-колыбели» подаётся в качестве цивилизующего источника, давшего жизнь необъятной стране. С тех пор и по сей день усилия направлены на оберегание его чистоты, а любые сомнения на сей счёт воспринимаются крайне раздражительно. Однако привычный свет киевской православной идиллии заметно тускнеет, если на первый план выдвигать детали, очевидность которых ранее просто игнорировалась.

Принятие христианства князем Владимиром произошло, как известно, в 988 году, после знаменитого диспута о выборе веры, описанного Повестью временных лет. Христианизация прохо-

дила тогда в орбите соперничества двух крупнейших религиозных центров — Рима и Константинополя. Глубокие расхождения между ними наметились в так называемый «иконоборческий период», когда с 726 по 843 год в Византийской империи господствовала, мягко говоря, крайне своеобразная церковная модель. Уничтожение икон и мощей, разгон монахов, закрытие монастырей — визитная карточка тех лет. Подобная практика вызывала отторжение в западном мире и привела к отчуждению от восточных братьев, чьё христианство с тех пор ставилось под большое сомнение.

Возврат к привычной церковной практике (середина IX столетия) не восстановил репутацию Константинополя, выглядевшего теперь в глазах Рима и Западной Европы второсортным. Усилия известного патриарха Фотия придать православию новое дыхание сосредоточились на вовлечении в сферу изрядно дискредитированной Византии славянских земель. Стремление вернуть утраченные позиции быстро инициировало конфликты с римским понтификом, взаимные отлучения и анафемы, поэтому задолго до официального разделения, зафиксированного в 1054 году, каждый пребывал в полной уверенности в собственной правоте.

Проводником греческого православия среди славян стали Константин (перед смертью принял имя Кирилла) и Мефодий. Двум знаменитым братьям — уроженцам знатного семейства в Салониках — выпала честь познакомить с христианской книжностью целые народы. С давних пор они считаются культовыми лицами и в России, вооружившими православную веру. Старший брат, Мефодий, начинал военным, обладал административными способностями, затем принял монашеский постриг; младший рано окупился в научно-религиозный мир, став библиотекарем при Константинопольском патриархе, совершал миссионерские поездки к хазарам, к арабам.

Но главным делом Константина явилось просвещение славян, чем тот занялся по поручению того же патриарха Фотия. Такая официальная версия РПЦ, причислившей братьев за заслуги

перед православием к лику святых. Однако на деле эта история выглядит совсем иначе, а поскольку она базовая для понимания религиозной обстановки в Киевской Руси, то об этом нужно сказать несколько слов. Тем более что кирилло-мефодиевская проблематика во многом превратилась в вотчину церковных апологетов, а также исследователей церковнославянского языка.

Просветительская деятельность братьев — наглядный пример того, каким острым противоборством Рима и Константинополя отличалась атмосфера той эпохи. Крупнейшие государственные образования Средней Европы (Болгария, Моравия) превратились в арену ожесточённого религиозного соперничества. Особенно это касается Моравии, включавшей тогда Словакию, часть Чехии, южную Польшу, Лужицу. В местной церкви хозяйничало баварское духовенство. Но моравский государь Ростислав тяготился немецкой опекой, пытаясь сбалансировать их влияние. К тому же паства с трудом воспринимала латинские религиозные тексты: мысль об использовании народного языка витала в воздухе. Прибывший туда Константин взялся создать особый алфавит для передачи славянской речи и адаптировать греческое богослужение. За три с лишним года он перевёл весь круг богослужения и подготовил кадры для поставления в церковные степени.

Здесь мы сталкиваемся с первой странностью, на которую литература не имеет сколько-нибудь внятного ответа: для такого важного дела Фотий послал человека, занимавшего сравнительно низкую ступень в церковной иерархии, не имевшего права рукополагать в священники. Более того, именитый Константинопольский патриарх вскоре вообще утрачивает интерес к этой миссии. Видимо, сыграли роль сложные отношения патриарха и Константина: скудные источники сообщают о расхождениях между ними, в том числе и догматического характера. Завершив перевод священных книг на славянский язык, братья отправились не обратно в Византию, что казалось бы естественным, а напрямик в Рим. И хотя там от проделанной работы в восторге были далеко не все, папа Андриан II устроил им торжественный приём. Подчеркнём: Константин и Мефодий го-

товили свой визит именно в Рим. Об этом свидетельствует то, что они заранее запаслись мощами папы Климента, особо чтимого Римской церковью.

Эти факты остаются крайне неудобными для поборников РПЦ не одного поколения; длительное пребывание борцов за православную веру в Венеции и Риме, мягко говоря, не улучшает их образ. И уж совсем из ряда вон выходящим является освящение папой сделанных переводов и признание славянской литургии богоугодной: начало служений по ним началось в римской церкви Св. Марии. Там же состоялось рукоположение подготовленных Константином учеников в священники, включая Мефодия, бывшего до того простым монахом. Посвящению в епископы самого Константина помешала серьёзная болезнь: прикованный к постели, он принял схиму, имя Кирилл, под коим и вошёл в историю, скончавшись в 868 году. Его даже хотели похоронить в главном храме Римской церкви — соборе Св. Петра, но брат настоял на его захоронении в церкви Св. Климента, рядом с мощами святого. В сан епископа, а затем и архиепископа возвели самого Мефодия, пользовавшегося расположением и покровительством следующего понтифика на римском престоле — Иоанна VIII.

Мефодий оправдывал высокое доверие, подготовив правовой кодекс «Закон судный людям», содержащий суровые санкции тем, кто недостаточно проникся христианством. За нежелание «творить требы и присяги» предусматривалась конфискация имущества и даже продажа в рабство. Кодекс стоял на страже особого положения церкви в жизни. Умер Мефодий в 885 году, рукоположив почти двести священников и оставив преемником одного из моравских учеников. Примечательна данная тому характеристика: стойкий в вере и прекрасно знает латынь. Правда, после кончины учителя мефодиевских учеников изгнали: они стали жертвой борьбы папства и немецкого духовенства, а сама Моравия вскоре прекратила своё существование. Но их дело не пропало даром: Кирилла и Мефодия свято чтят в Киевской Руси. До нас дошли их жития, датируемые XII столетием.

Как в свете изложенного можно оценить их историческую миссию? Ответ на самом деле не вызывает больших затруднений: перед нами типичный униатский вариант, продвигаемый Римом для распространения своего влияния. Такой религиозный формат, адаптированный к греческому обряду, оптимальный инструмент для папского престола. О том, что кирилло-мефодиевская эпопея именно из этой серии, большого секрета для специалистов не составляло. Например, дореволюционный знаток РПЦ Евгений Голубинский (Песков), в своих трудах описывая их просветительство, недвусмысленно давал понять, откуда ноги растут. Лишь пребывание в штате Московской духовной академии не позволяло ему называть вещи своими именами. Не случайно уважаемый профессор, не пренебрегавший подобными сюжетами, находился под подозрением у обер-прокурора Священного Синода Константина Победоносцева, нутром чувствовавшего угрозы для официальной церковной доктрины. Ведь за признанием кирилло-мефодиевского униатства неизбежно следовали более серьёзные вопросы о том, что собой представляло христианство Киевской Руси, провозглашённое нашим жителем источником.

Конечно, тогда подобные темы не могли полноценно обсуждаться, ограничивались лишь намёками, бросавшими тень на церковный официоз. Это касается также оценок крестителя Руси князя Владимира. Историк Антон Карташёв, вслед за Голубинским, ставил под сомнение княжеские религиозные предпочтения вместе с корсунской былью о крещении. Указывал на контакты князя с Болгарской церковью — то ли автокефальной, то ли с каким-то непрояснённым статусом, не умалчивал об интенсивном обмене посланниками с Римом. Не скрывал Карташёв и конфликт Владимира с греками: в результате лишь его сын Ярослав Мудрый входит в юрисдикцию Константинополя. Но, конечно, из учёных того времени строго определённую черту никто переходить не решался.

Так, от западных материалов о насаждении христианства в Киеве латинскими миссионерами дружно открещивались, от-

вергая их как мифологические. Легендой считается Житие святого Ромуальда, сообщавшее о немецких миссионерах в славянских землях. В нём содержится рассказ о прибытии в Киев одного бенедиктинского монаха, именуемого «епископом русским». Княгиня Ольга, вернувшись после крещения из Царьграда, почему-то снарядила посольство к германскому императору Оттону I с просьбой прислать епископов и священников; в ответ тот вместе с папой Иоанном XII и направил своих миссионеров. Популярна на Западе Хроника Титмара Мерзебургского, ровесница киевской Повести временных лет, где описывается ласковый приём Владимиром западного деятеля по имени Бруно.

Погружаться в споры о правдивости указанных источников выглядит не столько утомительным, сколько тупиковым. Подчеркнём другое: все эти известия актуализируются, если рассматриваются в общеевропейском контексте той эпохи. Напомним: вторая половина X — XI век проходят под знаком доминирования германской династии Оттонов. Завоевав Рим и подчинив папство своей императорской власти, они провозглашают себя главными покровителями христианства, перехватывая пальму первенства у Византии, выбравшейся из иконоборческой полосы. Именно в это время в Италии, Германии, Франции наблюдается небывалый религиозный подъём. По свидетельствам хроник, начинается массовое строительство епископальных, монастырских храмов, обновление многочисленных деревенских часовен.

Надо отметить, что внутренняя христианская экспансия сопровождается внешней: последнюю Оттоны считали своей исторической миссией. Распространение веры практически полностью переходит в руки немцев, усиленно занявшихся христианизацией северных народов и славянских территорий; на этих направлениях достигаются весомые результаты. Данный период отмечен целым рядом крещений, совершённых под влиянием Римской церкви: в 942 году — датского короля, в 966-м — польского князя Мешко I, в 976-м — норвежского короля, в 985-м — венгерского герцога, а в 988 году череду крещений продолжил

киевский князь Владимир, что органично укладывается в обозначенный выше ряд. Не случайно католическая церковь уверенно признаёт за Владимиром крещение киевских земель «по латинскому обряду». В 1634 году декретом папы Урбана XIII его причислили к лику святых.

Возникает вопрос: а как же греческое православие, ставшее историческим выбором Руси? Как быть с образом святого Владимира — страстного проводника православия? Чтобы разобраться с этим, следует в первую очередь обратить внимание на церковные термины, этимология которых сохранила латинское, а не греческое происхождение. Само название «церковь» — *cyrica* («круг верующих») — латинское, тогда как греческое — *ἐκκλησία* [*eklesia*]; слово «крест» — от польского *krzyż* или латинского *crucificus*, а не от греческого *σταυρός* [*stavros*]. Далее: слово «алтарь» происходит от латинского *altare*, а не от греческого *βωμός* [*bomos*], «орарь» — надеваемая при служении полоса — от латинского *orarium*, вера по-гречески — *πίστις*, «пост» в германских языках, производных от латинского, — *fast* (в готском *fasten* означает «поститься»), а в греческом — *ἡνῆστεία* [*nēsteia*]. Понятие же «поганый» (то есть язычник) тоже восходит к латинскому *paganus*, греческий же вариант слова — *αλλόθρησκος* [*etnikos*]. Число подобных примеров можно легко умножить. Согласимся, такая перегруженность церковного лексикона латинизмами весьма показательна.

Теперь посмотрим на многочисленную плеяду князей той самой православной Киевской Руси. Несложно заметить, что среди них нет ни одного с именем какого-нибудь знаменитого греческого святого. Если они крестились по византийским образцам, то это нельзя не признать очень странным. Кто же все эти Ярославы, Володимирсы, Всеславы, Святославы, Изяславы, Мстиславы, Ярополки, Ростиславы? Скорее всего, перед нами персонажи греко-униатских реалий, ориентированных на католичество. Эту версию подкрепляют и известные в киевский период браки княжеских семейств. Так, Владимир Святой имел трёх жён: одна — дочь половецкого князя, другая — из Богемии, а тре-

тя — внучка Византийского императора Константина Багрянородного; дочь Владимира Доборогнева выдана за польского короля Казимира I.

Его сын Ярослав Владимирович (Мудрый) связал судьбу с дочерью шведского короля Олфа, а из десяти детей знаменитого киевского князя все женились или выходили замуж за иностранцев. Так, старший сын Изяслав был мужем сестры польского короля Казимира, другие сыновья породнились с дочерью саксонского маркграфа (Игорь), с дочерью графа Штадского (Вячеслав). Дочери Ярослава сосватаны: одна за французского короля Генриха I, другая — за норвежского, третья — за венгерского. Изяслав Ярославович сочетал уже свою дочь со следующим польским королём Болеславом. Дочь великого князя Всеволода Ярославовича вышла за маркграфа Шаденского, а затем за германского императора Генриха IV.

То же самое наблюдается и в начале XII века: дочери князя Святослава Изяславича замужем за польским королём Болеславом Кривоустым, за венгерским королевичем. Знаменитый Владимир Мономах женат на дочери англосаксонского короля Гарольда. Его сын Мстислав Владимирович стал супругом дочери шведского короля, а первая его дочь сначала была замужем за норвежским королём, а затем — за датским. Великий князь Всеволод Большое гнездо женат на дочери одного из чешских аристократов. Конечно, такие династические связи можно характеризовать как очень разветвлённые, и почти 90 % браков правящей прослойки Киевской Руси заключались с католиками или католичками. Случаи же родства с византийскими монархами встречаются редко, можно сказать, в виде исключений. Кроме Владимира Святого, о чём уже говорилось, Всеволод Ярославич женат на греческой царевне, дочь Мстислава Владимировича выдана за одного из сыновей византийского императора, да дочь Владимира Мономаха (Марица) — за греческого царевича Лео-на Диогена. Отмеченные династические предпочтения — весомый довод в пользу существования сильных католических вейний в киевской элите той эпохи.

Ещё один аргумент в этом смысле — выяснение того, какой календарь находился тогда в употреблении. Хорошо известно, что католический мир практиковал летоисчисление, где начало года приходилось на 1 марта: по господствовавшим представлениям в этот день Бог сотворил небо и землю. В Византии же новый год праздновался с сентября: этот месяц считался первым, тогда как в латинском варианте он был седьмым. Напомним, календарь имел принципиальное значение для всей жизни, которая определялась исключительно церковным обиходом.

А потому в православной твердыне, каковой представляла в научных изысканиях Киевская Русь, новый год мог стартовать только 1 сентября, и никак иначе. Однако историк XVIII века В.Н. Татищев, исходя из доступных ему тогда источников, говорил о мартовском начале нового года, чему резко возражал Н.М. Карамзин, назвавший подобное утверждение фантазией, вымыслом. Тем более удивительно, что в хрестоматийной «Истории государства Российского» он фактически дезавуировал свою критику Татищева. Правда, сделал это незаметно, поместив в обширных примечаниях официозного труда ряд наблюдений над текстом Повести временных лет. В примечании 50 ко второму тому Карамзин привёл доказательства, что знаменитый Нестор-летописец, воспетый православной церковью, начинал год по-римски — с марта, а не с сентября.

Вот эти сообщения Нестора: Изяслав ушёл из Киева 15 сентября 6576 (1068) года, а возвратился в столицу через семь месяцев 2 мая 6577 (1069), что случилось бы не в двух, а в одном году, если бы год начинался с сентября. Далее: в мае 6621 (1114) году умер Давид Святославич, и в ноябре того же года преставилась Янка — следовательно, год не начинался в сентябре. Ещё примеры: в августе 6615 года разбит неприятель, затем в январе того же года умерла мать Святополка; 10 июля 6617 года скончалась Евпраксия, и в то же лето 2 декабря Дмитр Иворович взял половецкие вежи; весной 6618 Святополк и Владимир ходили на половецкую сторону, и в то же лето 11 февраля явился огненный столп над Печерским монастырём. Остаётся при-

соединиться к тем, кто недоумевает, зачем придворный историк вытащил подобные свидетельства, хоть и запрятав их в подвалы справочного отдела.

Разумеется, православные научно-церковные круги не в восторге от этих сведений. В ход шло и огульное отрицание, и признание, что использовались сначала одно, потом другое летоисчисление или одновременно оба, но в разных местах. Чтобы избежать намёка на католические влияния, не стеснялись ссылаться на языческие пережитки. Ключ же для понимания даёт текстуальный анализ Повести временных лет, содержащей следы трёх правок. Не секрет, что знаменитый Нестор из Киево-Печерской лавры входил в окружение пропольского князя Святополка Изяславича, с весьма сомнительной репутацией. Другая редакция — дело рук игумена Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестра, возвеличившего семейство Владимира Мономаха — заказчика переработки. Итог: текст Повести временных лет пропитан духом сближения с латинским Западом, вокруг чего, по-видимому, и шла борьба. Отсюда вставки и о варяжском происхождении Руси, и о путешествии апостола Андрея — брата покровителя Римской церкви Петра. Путь Андрея в Рим лежал через те места, где впоследствии раскинется Киевская Русь, что весьма символично.

Конечно, выявление таких деталей — дело кропотливого труда, поскольку русские летописи как бы «стесняются» касаться всего, что связано с западным влиянием. Так, поражает полное молчание о крестовых походах, буквально потрясших христианский мир, как в католической, так и в православной проекции. И это при том, что летописи наполнены самыми разными знаменьями, производившими на людей той поры неизгладимое впечатление. Казалось бы, завоевания крестоносцев, освобождение ими в мае 1099 года Гроба Господня от неверных или, наоборот, падение Константинополя в марте 1204 года должны восприниматься киевскими православными очень эмоционально. Однако, судя по текстам, эти величайшие события не привлекли внимания, создатели и переработчики летописей упорно